

Генерал М.Я. Волков: материалы к биографии

Михаил Яковлевич Волков, генерал и кавалер, служивший русскому престолу свыше 60 лет, нередко упоминается в литературе по истории XVIII в., но только упоминается. При этом отсутствие даже кратких биографий человека, чью причастность к центральным событиям эпохи отразили тома официальных бумаг, кажется вполне объяснимым.

В касающихся Волкова документах не прослеживается “поступков” и “случаев”, которые волновали его современников, а затем писателей и ученых. “С начала войны, с... Азовских походов... в акциях же был везде”¹ — но исполнял всегда по чужим “пунктам”, тогда как из собственных соображений известны только ведомость наград за Гангутский бой и совет князю М.М. Голицыну в декабре 1715 г. сосредоточить весь “наш полк” в Либау, дабы при “пришествии государя” не было “его воле противно”². Командовать Семеновским полком стал по окончании военных действий, ничем не выдлившись в его важнейшей акции середины 1720-х гг. — участии в воцарении Екатерины I. Практически не был затронут придворными взлетами и падениями при дальнейших переменах на троне и не выступал ни судьей, ни обвиняемым в политических процессах 1730 – начала 1740-х гг. Наконец, не оставил ни знаменитых потомков, ни “замечательных богатств”, ни мемуаров.

О последнем можно жалеть отдельно, поскольку крайне невыигрышные для биографа “ордера” и “доношения” Волкова демонстрируют не только обычные для его “ранга” ум и способность хорошо разбираться в происходящем, но и отличающие его от других качества: четкость формулировок, неравнодушные к композиционной стройности и самой каллиграфии текста, чувство жанра документа и его адресата. Умение писать исключительно то, что “надлежит”, очевидно хотя бы из нескольких его челобитных.

В описаниях “тяжких ран”³, о которых речь идет в одной из них, нет преувеличений. Но образ немощного инвалида оказывается лишь данью “изгнанию князей Долгоруких”, о котором (и только о нем) говорится в неудовлетворенной челобитной 1737 г. о “награждении рангом”, на что имел право еще при насильственной отставке. При повторении — с успехом — той же просьбы в 1741 г. указывается на приобретение для казны на ныне занимаемых должностях 211 301 рубля прибыли и старшинство по гвардии, а в жалобе 1742 г. — на самовольный отказ Штатс-конторы в жалованье согласно подтвержденному императрицей повышению. Речь идет об одной “против протчих моей братьи полных генералов обиде”⁴. Можно только гадать, какая версия “послужного списка” была бы представлена в “Записках” Волкова, если бы таковые были написаны. За отсутствием же их остается попытаться воссоздать историю его жизни по имеющимся материалам, отрывочность которых делает неизбежными пробелы и неточности.

Прежде всего это касается внеслужебной сферы, где даже принадлежность к давнему дворянскому роду, с которой согласны авторитетные ученые⁵, небесспорна. К.-Р. Берк, бывший в России в середине 1730-х гг., когда карьера Михаила Яковлевича достигла зенита, привел в пример высокомерия “старых фамилий” услышанную в частных разговорах фразу: “Разве можно Волкова равнять с Голицыным”, — а данные Л.М. Савелова о землевладении его деда в Шацком уезде не подтверждаются Герольдмейстерской конторой, числившей за ним на 1741 г. только имения в Московской и Новгородской губерниях⁶. Тем более не обосновано мнение П.Н. Петрова, что он является братом доверенного лица князя А.Д. Меншикова А.Я. Волкова, которому якобы и обязан своим возвышением.

Задействованность в близких сферах управления, часто одно и то же местопребывание и уравнивание в 1727 г. чинов запутывали даже составителей “Повседневных записок делам” князя А.Д. Меншикова. Поэтому определенно заключить, кого касается запись “Юрнала” Петра I 16 ноября 1715 г. “был у Волкова на крестинах сына”⁷, нельзя, хотя косвенные данные говорят скорее в пользу Михаила. Известие о наличии у него сына Николая, имевшего 9 детей в браке с М.А. Бабиной, — чья фамилия, заметим от себя, исторически связана с Семеновским полком, — писал Л.М. Савелов, довольно позднее, причем именным указом Сенату закрепление за его вдовой Прасковьей имений мужа (и только пожалованных Петром) свидетельствует о спорности наследства, а дочерей А.Я. Волкова считали одинокими неимущими сиротами еще в 1733 г.⁸

То есть совершенно достоверно известно немного: М.Я. Волков был связан с Москвой, куда его “ради крайних домашних нужд” отпускали из действующей армии летом 1713 г., имел там сестру, по его просьбе постриженную — семидесятилетней вдовой монастырского служителя Яковлева — в Но-

водевичий монастырь, и был (по крайней мерс единожды) женат⁹. Его весьма скромное относительно статуса к 1740-м гг. состояниe в 690 душ складывалось долго и трудно, в упорной борьбе за несколько дворов и при многолетней неопределенности с основными пожалованиями, которые не раз возвращались прежним владельцам¹⁰. С князем А.Д. Меншиковым же Михаил Яковлевич был несомненно хорошо знаком и пользовался его доверием как высокопоставленный военный, но с близким к нему Алексеем Яковлевичем — почти наверное лишь однофамильцем — внеслужебных отношений не поддерживал, а переданные французским дипломатом слухи о планах заменить обоими Волковыми, своими беспрекословными приверженцами, графа Г.И. Головкина и барона А.И. Остерманца в Верховном тайном совете¹¹ русские победители “светлейшего” явно не считали серьезными.

Из приводимых в полковых списках и собственных челобитных дат вступления М.Я. Волкова в Семеновский полк чаще других повторяется 1687 г. (или 42 года от последовавшей в 1728 г. отставки). Только исходя из этого и однозначного отрицания иной службы и можно строить предположения о его нигде не упоминаемом возрасте: вероятно, он несколькими годами старше или ровесник Петра. С какого времени тот знал и ценил Волкова, неясно¹², но не позднее Азовского похода 1696 г., когда он был “на флоте”, в роте, где капитаном был сам царь¹³. Дальнейшее же его участие в “воинских делах”, храбрость “в штурмах”, распорядительность в повседневных полковых занятиях, надежность в исполнении часто даваемых гвардейцам поручений, быстрое повышение в чинах по гвардии и по армии фиксируются разными документами.

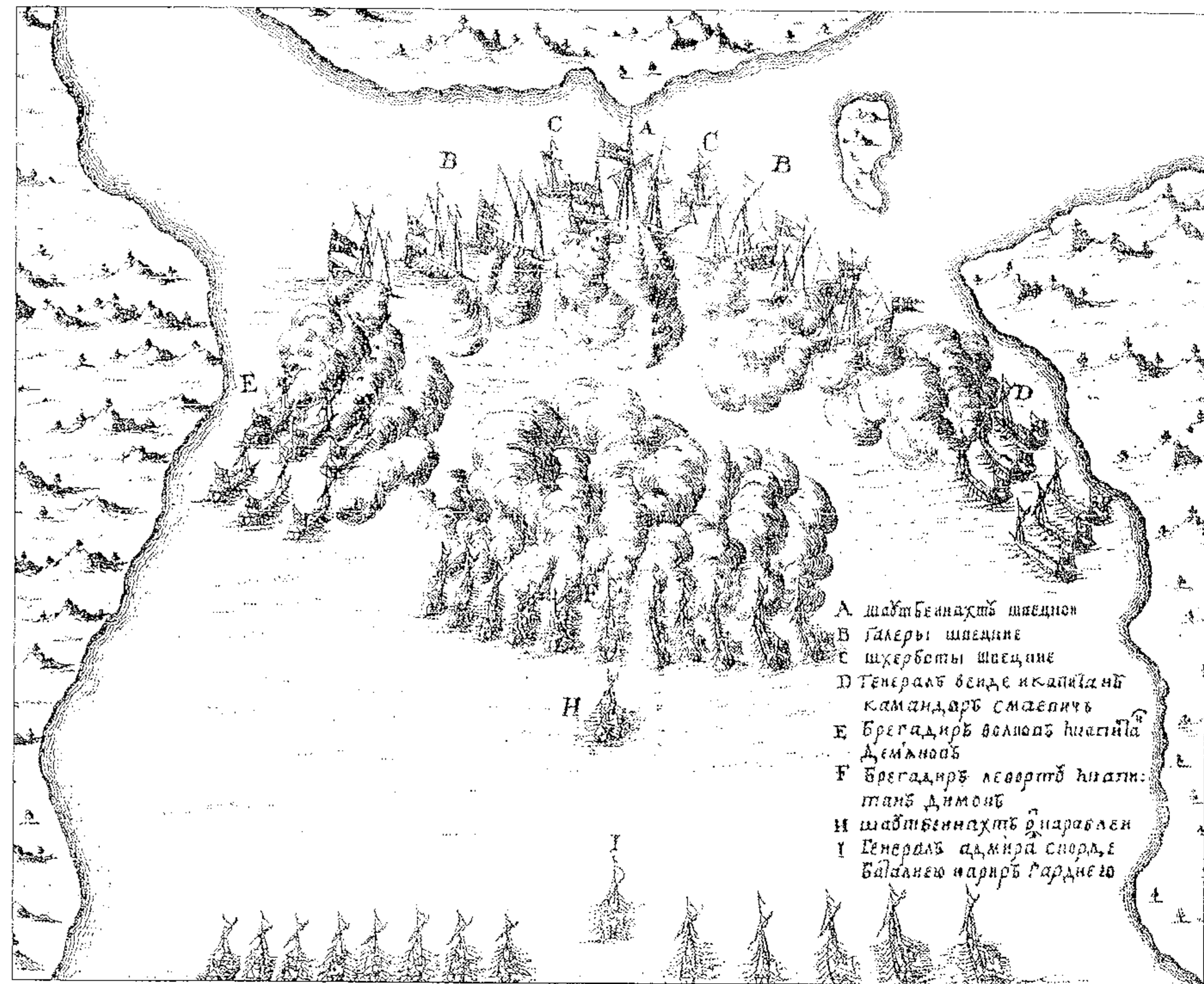
Итак, 1698 г. — производится (оставаясь “урядником” Семеновского полка) в капитаны (будучи таковым не более лета 1706 г.). 1700 г. — в апреле командует караулом при заподозренном в сочувствии стрельцам М.Г. Ромодановском, в прославившем семеновцев бою 19 ноября под Нарвой показан среди 10 раненых штаб-офицеров (прапорщиком). 1706 г. — в августе вызывается Петром из Киева в Петербург, возвращается к армии к декабрю. 1707 г. — 17 февраля рапортует графу Б.П. Шереметеву из Дубы — уже как семеновский капитан — о поимке “в лесах” виновного в убийстве русских офицеров “пана Вежицкого”. 1708 и 1709 гг. — участвует в битвах при Лесной (единственный из штаб-офицеров полка ранен) и Полтаве. 1711 г. — в мае “без промедления” отправляется графом Ф.М. Апраксиным “на черту” и 9 июля участвует в сражении на Пруте, 3 августа получает “бригадирский ранг и трактament майором”, осенью впервые назначается Петром к “смотрению” за состоящими под командой князя М.М. Голицына частями, которое затем делается регулярным и к 1716 г. перерастает в постоянное “ведение” 7 семеновских (включая гренадерскую) рот¹⁴.

1714 — год самого яркого военного успеха Волкова. 3–20 июля он возводит батарею на Гангутском мысу, которая оказывается бесполезной: выяснилась невозможность сбивать с данного расстояния неприятельский флот с галерного фарватера¹⁵. В самом же “деле” 25–27 июля он находился на тех самых скамповеях, которые определили его исход, что и изображено на разосланной затем при печатной реляции гравюре. В abordаже шведских судов под перекрестным артиллерийским огнем 27 июля, который стал началом славы русского флота, ведущую роль сыграла, в оценке А.З. Мышлаевского, пехота — в том числе под началом “бригадира Волкова”. И Петр, очень гордившийся Гангутской победой, заслуги его оценил.

С осени 1714 г. царь ездит к нему в гости, тогда же в “адмиралтейских” бумагах особо отмечена “дача” ему золотой медали, в 1715–1720 гг. он — неперемный участник морских походов, (причем в 1715 г. специально для него “изготавливают каюту” на корабле “Екатерина”, 10 февраля 1716 г. “их величества” ночевали у него в Гульдене, летом 1717 г. он среди праздновавших в Амстердаме победы графа Ф.М. Апраксина, которому сообщает лестный отзыв государя¹⁶. В тот же период начинается и систематическое привлечение Волкова к “гражданским делам”.

По данному 9 декабря 1717 г. нескольким гвардейским офицерам указу он возглавляет одну из “канцелярий”, которые до середины 1720-х гг. занимались преимущественно расследованием “похищений казны” видными государственными деятелями и, устроенные на коллегиальных началах, стали немаловажным этапом строительства нового аппарата власти. О “майорской розыскной канцелярии” Волкова известно, что она расследовала “запущение доимок” по подрядам на армию и адмиралтейство и — совместно с аналогичными канцеляриями — долги князя А.Д. Меншикова короне. Любопытно, в частности, его письмо кабинет-секретарю А.В. Макарову 29 сентября 1720 г. о приеме Камер-коллегией арестованного им вина в счет 5800 рублей, начисленных на подрядчика Е. Петрова, который содержится при Канцелярии “жестко”¹⁷. Для характеристики Волкова как администратора здесь показателны и позиция относительно напрасной жестокости к ныне “состоятельному” должнику, и забота об имуществе, портящемся “от жаров и дождей”. Но также и просительный тон, которого не встретишь в позднейших “доношениях” по поводу исполнения своих законных требований.

Вероятно, именно 1720 г. стал переломным в обретении Волковым опыта руководства вне сферы боевого товарищества и жесткой субординации, чему могли способствовать и пребывание при “корабельном строе” (о нехватке для которого “человек с 500” он писал Петру), и присутствие, в очередь

Гангутский бой. Гравюра, рассылавшаяся при печатной реляции. 1714 г.

с другими гвардейскими штаб-офицерами, в Военной коллегии на равных правах с высшим генералитетом¹⁸.

Волков свой первый генеральский чин получил 21 января 1721 г.¹⁹ перед назначением 27 января к опытному “распоряжению полков” в Новгородском уезде, которое предшествовало всеобщей переписи податного населения, именуемой затем Первой ревизией. Ее ход и последствия глубоко освещены М.М. Богословским, который специально остановился на роли Волкова как до издания акта 5 февраля 1722 г. о ее открытии в государственном масштабе, так и в период исполнения вплоть до 1725 г. должности генерального ревизора Петербургской губернии²⁰. К нарисованной им картине неотступного выявления “утайки душ”, штрафования виновных в ней и других драматических моментов “положения в оклад” добавить можно немного.

Действительные жестокости приданных Волкову офицеров (в разное время от 3 до 10), которые вызвали массовые жалобы местной администрации, дворянства и синодальных властей, не сопровождались взятками и всегда осуществлялись строго в рамках правительственных инструкций. А 60 его (за 1724 г.) писем “переписчику” Ярославской провинции полковнику Д.Л. Порецкому — часто собственноручно украшенные щегольски выведенным “Anno Domini”, — показывают, что детальные указания, о каких именно дворовых “справиться” или какие ведомости “с полной очисткой” приготовить “к прибытию нашему”, не были ему в тягость²¹.

Непосредственное руководство “свидетельством душ” сочеталось, кроме петербургского “розыска”, с зафиксированным Ф.-В. Берхгольцем распоряжением Новгородом (переписной “столицей” губернии)²² и активным включением в управление Семеновским полком, П.Н. Дирин начальство Волкова ведет с 1720 г. Реально такое начальство в 1720 — январе 1722 г. принадлежит подполковнику князю П.М. Голицыну, а после его смерти — всем трем семеновским майорам (два другие — И.И. Дмитриев-Мамонов и И.М. Лихарев). Но значение Волкова, начиная с переписки о полковых делах с Кабинетом в 1720 г., постоянно росло и в 1724 г. стало приоритетным²³. 1724 г. отмечен для Волкова также одним из почетнейших мест в церемонии коронации императрицы Екатерины I, при том, что в полити-

чески значимых публичных актах он участвовал редко – предшествующее упоминание касается подписания в 1718 г. приговора царевичу Алексею, позднее – получения в 1725 г. из рук монархини новоучрежденного ордена Св. Александра Невского²⁴.

Смерть Петра зримо не повлияла на его карьеру, разве что главными обязанностями опять стали военные. В 1725 г. усложняется командование Семеновским полком, в качестве подполковника которого (пожалован к 4 марта) он помимо текущих перемещений и пополнений личного состава, выдачи жалованья, нарядов в караулы и на работы организует приведение к присяге, участие в траурных мероприятиях, составление списков обер- и унтер-офицеров “с объявлением служб” и ускоренный выпуск в армию 32 учеников инженерной школы²⁵. 7 мая 1726 г. Волкова производят в генерал-лейтенанты, а 21 отправляют в Ревель “учредить приуготовление” к ожидаемому нападению английского флота с полномочиями “чинить супротивление” и в крайнем случае затопить находящиеся в гавани русские корабли²⁶. Оборона Ревеля, ответственная, но столь же напрасная, как когда-то батарея на Гаугуте, оказалась вместе с тем и последней в ряду его сколько-нибудь заметных военных поручений.

Отставка от военной службы, растянувшаяся с 20 ноября 1727 г. до 7 (или 14) июня 1728-го²⁷, возможно, и не была столь вынужденной, как он заверял Анну Иоанновну. В декабре 1727 г. верховники согласились с подготовленным им заключением кригсрехта о виновности полковника А.А. Мякинина в мнимом объявлении при “свидетельстве душ” Азовской губернии о “прописке” Ораниенбурга князя А.Д. Меншикова (хотя тот уже и “пал”), в феврале 1728 г. он “смотрит” отставляемых офицеров, в апреле вносится в “Ведомость о генералитете... сколько ныне... при армии и у гвардии обретаются”²⁸. Да и к усмирению крестьянских беспорядков с несколькими драгунскими ротами и неограниченными правами, данными секретным именным указом 14 ноября 1729 г.²⁹, не определили бы нежелательную для власти персону. Но так или иначе, к военной карьере в следующем царствовании он уже не вернулся, пусть ему и приписывали организацию присяги гвардии при объявлении намерения императрицы назначить наследника при жизни³⁰.

“Розыскная” в Симбирском уезде воевавших друг с другом крестьян цесаревны Елизаветы Петровны и князя И.Ф. Ромодановского, Волков не был в Москве при вступлении на престол Анны. Но именно в ее правление, не давшее ему ни единого “награждения”, он тем не менее получает весьма значительную власть. 2 (или 15) июня 1731 г. учреждается подотчетная лишь Кабинету Канцелярия его “ведения” по сбору “остаточных штатных сумм”, с 4 апреля 1733 г. он “ведает” Мастерской и Оружейной палатой, с 22 сентября 1735 г. присутствует в Московской Сенатской конторе, 30 января 1736 г. в его дирекцию поступают Коллегия экономии и Раскольническая контора, 30 октября 1738 г. — “дела” упраздненных синодальных Дворцового и Казенного приказов, а в 1738–1739 и 1738–[1740] гг. он еще и член следственных комиссий о Дворцовой и Кошопенной канцеляриях и о Вознесенском девичьем монастыре³¹. Неохватность документального наследия этих учреждений, к тому же слабо изученных, позволяет сделать лишь некоторые наблюдения о роли Волкова в правительстве.

Думается, она определялась прежде всего курсом последнего на укрепление финансовой системы. Отсылка “к генерал-поручику Волкову” денег, оставшихся налицо после “указных” трат, могла, судя по донесениям о подлежащей Канцелярии казне³², рассматриваться как средство упорядочения учета государственных “приходов” и “расходов”. Тут же сначала планировали и сосредоточить взыскание недоимок подушного сбора по Московской губернии, затем — все взысканные недоимки с остальных прилежащих к Москве губерний (при передаче таковых по “петербургским провинциям” обер-секретарю Сената А.С. Маслову, одному из идеологов “доимочной” политики первой половины 1730-х гг.). Параллельно Канцелярию использовали как звено вымена монеты, подлежащей изъятию из обращения. Но главное значение для верховной власти приобрел, по-видимому, сам объем исправно стекавшихся туда средств вроде 875 264 рублей с копейками на 1 мая 1732 г. или 11 213 442 рублей с копейками на 1 февраля 1733-го³³. Большинство месячных рапортов Волкова императрице утрачено, но и из материалов Кабинета министров о “займах” из Канцелярии на армию и флот от 100 до 500 тысяч рублей одновременно³⁴ видно, что его качество энергично добиваться поставленной цели оказалось здесь полезным.

Назначение к управлению Коллегией экономии и другими учреждениями, подчиненными Синоду, тоже объяснялось, скорее всего, снижением недоимок на архиерейских домах и монастырях. И по этой линии Волкову удалось, по крайней мере согласно отчетности, добиться успеха³⁵. Но названное руководство включало еще управление хозяйством подведомственных имений и их крестьянами, отчасти и другими зависимыми от церкви или содержащимися за счет доходов с синодального имущества категориями населения. А это вело к конфронтации с духовными властями, которая иногда выливалась то в прием Коллегией запрошенных из Канцелярии Синодального экономического правления дел только лично от присутствующих там архимандритов, то в угрозу Сенату взять ее персонал под караул за неисполнение предписаний Синода. Особенно длительный (с 1736 г.) конфликт — который пережил устранение Волкова с поста 9 ноября 1739 г. ради обещанных графом П.И. Мусиным-Пушкиным выгод и его возвращение 9 июня 1740 г. после провала предложенной реформы — касался составления

штата ружникам: таковой Коллегии сочинить (к 26 июня 1740 г.) пришлось, но и Синоду стояло ее перевода 15 апреля 1738 г. в ведение Сената³⁶.

Мастерская и Оружейная палата, главным назначением которой было, по определению самого Волкова, хранение “старинных царственных вещей”, не имела дела ни с крупными денежными средствами, ни с людскими контингентами. Однако не реже трех раз в неделю заседания бывали и здесь³⁷. А переписка Волкова во время краткого отъезда в 1736 г. в Петербург с советником Палаты Т.Т. Савсловым, в целом сводившаяся к уведомлению “о благополучном состоянии присутствия”³⁸, дает повод заметить, что постоянный контроль и вместе с тем своего рода привязанность к подчиненным были присущи генералу и в московский период его службы.

Прежние сотрудники по возможности следовали за своим начальником, как секретарь Ф. Тимофеев, из “майорской канцелярии” взятый к переписи дун, а затем к симбирскому “розыску”, или бывший семеновский офицер И. Тимирязев, которого видим в “канцелярии ревизии” и в Коллегии экономии. Остальные “достойные” представляются к чинам, а главное, регулярно получают жалованье. И, кажется, в Кабинете министров и Сенате настолько привыкают к подобным требованиям, что Волкову почти никогда не отказывают ни в выплатах, ни в определении и возвращении в его “ведомство” новых и “прежде бывших служителей”.

Официальные документы скупо отражают взаимоотношения в кругу начальствующих особ московских учреждений 1730-х гг. Но можно уверенно констатировать успешное сотрудничество Волкова с обер-гофмейстером графом С.А. Салтыковым, тоже давним “коллегой” по гвардии, “розыскам” и Первой ревизии, с которым они в 1735–1741 гг. вдвоем присутствовали в Московской Сенатской конторе. Московский же Сенат, в кардинальных вопросах зависимый от Петербургского, текущие “дела” решал самостоятельно. А “дела” касались работы центральной и местной администрации, сборов и повинностей, состояния городов, дорог, торговли и фабрик, борьбы с пожарами и бунтами, то есть всего, что относилось к “внутреннему управлению”, о котором в сентябре 1737 г. подписали 265 “приговоров”, в августе 1738 г. — 203 и т.д.³⁹ Поэтому в пребывании здесь можно видеть факт реального участия во власти, хотя Салтыков и считался тогда опальным, а Волкову Анна выговаривала за недостроенный дом в Петербурге и непресечение “обид” игуменье Вознесенского монастыря (от следствия по которому, однако, не отстраняла)⁴⁰.

Причины увольнения Волкова в конце декабря 1741 г. от Сената и 4 октября 1742 г. от Мастерской и Оружейной палаты неизвестны, ясно только, что оно связано с воцарением Елизаветы Петровны, которая и о закрытии 4 декабря 1742 г. его Канцелярии объявляла Сенату лично⁴¹. Правда, Канцелярия 24 июля 1744 г. была восстановлена, но прежнего значения не имела, как и сам генерал Волков, 16 июля 1751 г. подписавший в ней свой последний протокол⁴². Его честность, попечительность и опыт стали не нужны, а воинские заслуги забыты. Эпитафией же стал только принятый “к сведению” Сенатской конторой рапорт туда его казначея, бывшего майора и члена Коллегии экономии И.М. Исупова, что “сего июля 19 дня пополудни в 6-м часу... волею Божию умре”, а “во оной канцелярии присутствующих кроме его генерала и кавалера Михаила Яковлевича Волкова не обретаются”⁴³.

¹ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 / Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 4. С. 782 (Сб. РИО. Т. 69). Далее приводятся только тома “Сборника”.

² Карцов А. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1852. С. 128; Мышлаевский А.З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 гг. СПб., 1896. С. 398.

³ “...В первый Нарвский поход в левый бок... у Прута-реки ядром у правой ноги возле плесны вырвало; на Лейнборгской (вероятно, нужно читать “Левенгоптской”) батальии в лоб, на Ангуте в левую руку картечью, также во время полковой эскерции в правую ногу в берце ниже колена пробита ж; ... и правая рука в плече повреждена” (Сб. РИО. Т. 69. С. 782).

⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Е. х. 33. Ч. 5. Л. 588–588 об.; Ч. 8. Л. 267–267 об.; Ф. 11. Оп. 1. Е. х. 617. Л. 45.

⁵ Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 355–356; Родословные записи Л.М. Савелова. М., 1908. Вып. 2. С. 102.

⁶ Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 150; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 152. Л. 589.

⁷ Походные журналы 1715 года. СПб., 1855. С. 75.

⁸ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / Сост. П. Баранов. СПб., 1878. Т. 3. № 1094; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1899. Т. 2. С. 344 (Сб. РИО. Т. 106). Далее приводятся только тома “Сборника”.

⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее - ИВВ). М., 1992. Т. 13. Вып. 1. С. 386. Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода (далее - ОД и Д). СПб., 1903. Т. 11. Стб. 734.

¹⁰ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 45. Л. 41–41 об.; Протоколы... Сб. РИО. Т. 63. С. 694, 696, 709–710; Т. 94. С. 234; Бумаги... Сб. РИО. Т. 114. С. 503, 523, 546–547; Т. 120. С. 356–358; Т. 138. С. 170–173.

¹¹ Донесения французского поверенного по делам при русском дворе. СПб., 1891. Т. 2. С. 98–99 (Сб. РИО. Т. 75).

¹² Пожалование его сукном указом 3 марта 1694 г. касалось всех семеновских сержантов (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 1. С. 142).

¹³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. 2-е изд. М., 1837. С. 257.

- ¹⁴ Приведенные сведения см.: Карцов А. Указ. соч. С. 48, 131; Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия (далее – ОД АМ). СПб., 1877. Т. 1. С. 665. Дирин П. История л.-гв. Семеновского полка. СПб., 1883. С. 130. Приложение С. 18, 57. ПБП. Т. 1. С. 814-815; Т. 4. С. 1015, 1085; Т. 5. С. 453-453; Т. 11. Вып. 2. С. 7, 258; Мышлаевский А.З. Война с Турцией 1711 г.: Прутская операция. Материалы. СПб., 1898. С. 93-94.
- ¹⁵ Материалы для истории Гангутской операции. Вып. 4. Пг., 1918. С. 571, 577; Мышлаевский А.З. Война в Финляндии. С. 401; Приложение С. 117.
- ¹⁶ Походные журналы 1714 года. СПб., 1854. С. 66, 133; То же за 1716 г. СПб., 1855. С. 64; ОД АМ. Т. 2. С. 82, 130, 290; Материалы для истории русского флота (далее – МЦРФ). Ч. 2. СПб., 1865. С. 510-512.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 45. Л. 252-252 об. Др. источники и литературу см. в книге автора “Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени” (М., 2003. С. 235).
- ¹⁸ МЦРФ. С. 510-511; Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 203-204.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2. Оп. 3. Л. 8.
- ²⁰ Богословский М. Областная реформа Петра Великого: Провинция, 1719–27 гг. М., 1902. С. 351-364 и др.
- ²¹ РГАДА. Ф. 905. Оп. 1. Е. х. 919. Л. 20-27, 55-62, 66-76 и др.
- ²² Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера // Юность державы. М., 2000. С. 41.
- ²³ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Е. х. 35. Л. 2-119 об.
- ²⁴ Богословский М. Указ. соч. С. 361; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 6. С. 533; Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. С. 290.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Е. х. 53. Л. 279-281, 376, 425, 427, 434, 438, 453-453 об., 543.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 22. Л. 454-454 об.; Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 636.
- ²⁷ Там же; Баранов П.И. Указ. соч. Т. 2. № 2826, 3015 и др.
- ²⁸ Протоколы... Сб. РИО. Т. 69. С. 894-897, Т. 79. С. 279, 370.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Е. х. 18. Л. 567-568.
- ³⁰ Донесения французского поверенного при русском дворе. СПб., 1892. Т. 3. С. 277-279 (Сб. РИО. Т. 81).
- ³¹ О перечисленных назначениях см. “Полное собрание законов” и вышеупомянутые издания. Подтвердить же информацию П.Н. Петрова о заведовании М.Я. Волковым тогда Конторой конфискации пока не удалось.
- ³² РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 292. Л. 993-1025.
- ³³ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Е. х. 617. Л. 14-15, 29-30; Бумаги... Сб. РИО. Т. 104. С. 10, 46-48, 101, 111-115; Т. 111. С. 216; Т. 114. С. 561-562.
- ³⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 5. Е. х. 33. Ч. 8. Л. 875-875 об.; Ф. 248. Оп. 1. Л. 204; Бумаги... Сб. РИО. Т. 114. С. 43, 715; Т. 117. С. 307; Т. 120. С. 82; Т. 126. С. 309.
- ³⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Е. х. 617. Л. 44-44 об.; Бумаги... Сб. РИО. Т. 126. С. 4, 316.
- ³⁶ Бумаги... Сб. РИО. Т. 114. С. 476-477; Т. 120. С. 203, 294; Т. 126. С. 45, 139; ОД и Д. Т. 16. Стб. 55-69; Т. 19. Стб. 11-15, 195-196, 445; Полное собрание законов Российской империи. Т. 10. СПб., 1830. № 7558.
- ³⁷ См., напр.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 3. Е. х. 1353. Л. 24-30.
- ³⁸ К истории Московской Оружейной палаты / Сообщ. Л.М. Савелов // Рус. архив. 1914. № 1. С. 91-104.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 93. Л. 163-203, 321-346.
- ⁴⁰ Книга записная именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову, 1732–1742 г. / С предисл. А. Кудрявцева // ЧОИДР. 1878. Кн. 1. Отд. 2. С. 126-127, 220-221.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 95. Кн. 7598. Л. 138 и далее; Ф. 396. Оп. 2. Ч. 3. Е. х. 1353. Л. 741 об.-742; ОД и Д. Т. 22. Стб. 751.
- ⁴² Там же. Ф. 358. Оп. 1. Е. х. 233. Л. 35.
- ⁴³ Там же. Е. х. 953. Л. 16; Ф. 248. Оп. 95. Кн. 7361. Л. 200 об., 205.